

ОЛЬГА ЛИШИНА: «КОГДА МЫ ПИШЕМ, МЫ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ СПАСАЕМ СЕБЯ»

—
ДЕНИС ЛУНЬЯНОВ
Родился в Москве, окончил
Институт журналистики,
коммуникаций и медиаобра-
зования МПГУ.
Писатель, журналист,
онлайн-обозреватель,

—
контент-редактор издатель-
ской группы «Альпина». Пишет
для журналов «Юность»,
«Прочтение», «Литрес
Журнал». Ех-обозрева-
тель эфира радио «Нига»,
работал в ГН «ЛитРес».

—
ОЛЬГА ЛИШИНА
Родилась и живет в Москве.
Поэт, прозаик, литературный
обозреватель. Соавтор
текстов группы «Мельница».
Автор и продюсер литера-
турных проектов.

Что такое право на круассан и почему оно необходимо, чтобы выжить в мире информационного шума? Выяснили это в беседе с Ольгой Лишиной, поэтессой, писателем, соавтором группы «Мельница» и продюсером издательства «Альпина.Проза». Почему мы во всем любим искать смыслы, зачем носить символические украшения, почему Тэффи смешнее Аверченко и надолго ли мы застряли в мире метамодернизма?

— Начнем с дурацкого, но важного вопроса: поэзия в привычном формате умерла или живет всех живых?

— Ничего, конечно, не умерло. Но мне нравится концепция, что гений сейчас невозможен ввиду того, что очень много нас – не гениев, ремесленников.

— То есть гении теряются в потоке?

— Я бы скорее сказала, что есть условное некое количество волшебной пыльцы – и оно просто расходуется на большее число людей. Конечно, сейчас ситуация, что будут покупать сборники стихов так, как двести лет назад, маловероятно. Но опять же, двести лет назад три процента населения писали, издавали, критиковали, считай, друг друга. Такой клуб корешей. А сейчас каждый день кто-то садится писать стихотворение. Авторы много, и все они – разные. И читатели не всегда могут найти «своего». Тут еще надо отметить, что есть, например, массовая поэзия: довольно простые тексты на грани частушек или приближенные к психотерапии – о любви и страданиях. Я смотрю некоторых чтецов, которые подобную поэзию просто читают на камеру, без всяких перформансов и выдумок, и это «залетает». Значит, это тоже интересно. Здесь еще вопрос в лидерах мнений. Если бы какие-то артисты, музыканты, режиссеры и другие инфлюенсеры говорили: «А давайте сходим все и почитаем Германа Лукомникова!», его бы читали, конечно, больше.

– К вопросу о распылении волшебной пыли. Раз ее на всех нам не хватает, то какой становится функция современной поэзии? Она та же, что сто и двести лет назад?

– Думаю, функций много. Кто-то ставит перед собой сознательно или несознательно задачу постигнуть все из них, а кто-то выбирает одну, и ему достаточно. Чьей-то аудитории хватает терапевтичности, чьей-то – эскапизма, когда хочется отвлечься и ощутить, допустим, надежду. А кому-то важна работа с языком. Некоторые современные тексты мне нравятся именно формой. Или темами. При этом я прекрасно понимаю, что мои тексты редко сильно затрагивают философские темы. Как правило, у меня очень чистая лирика. Даже стихи для детей у меня в основном про эмоции... Вернемся к многообразию: ты, как читатель, просто находишь то, что тебе нравится. Я вот не очень люблю, например, стихотворные тексты, где есть большое количество сюжетных событий. Но это же не значит, что они плохие! Как читателя меня завораживает короткая форма, какая-то игра, в том числе игра с цитатами. Я каждый раз бегая с флагом Всеволода Некрасова:

*Я помню чудное меновенье
Невы державное теченье
Кто написал стихотворенье
Я написал стихотворенье.*

То есть, опа! А что, так можно было? Можно!

– Тогда ты такой пост-, хотя я бы даже сказал, метамодернист в поэзии?

– Мы все неизбежно метамодернисты. Мы так живем. У каждого из нас за плечом возникает по Роме Декабреву, потому что мы не умеем писать иначе: живем в парадигме постмодернистского сознания. Мы читаем все то, что уже прочитали, и одно у нас в любом случае накручивается на другое. В одном из последних текстов я писала так:

*Я ходил по свету и видел свет, я искал вопрос, если знал ответ,
И из всех печалей, запретов, бед я писал куплет на осенних листьях.
Я не тот, кто понял секреты слов, но я славно умею сместить богов,
И мешать вино, города, любовь, упиваться жизнью зимой ли, летом.*

Безусловно, получается уже некий намотанный клубок. Здесь герой одновременно и Одиссей, и Мюнхгаузен. И то самое осознание, что мы это все уже читали, дает нам возможность уйти от пафоса и мыслей, что я первая, например, напишу о великой любви или великом страдании. Ну понятно же, что не первая! Тут как с текстом «Царевича» из альбома «Мельницы» «Символ солнца». Наташа О'Шей сказала на радио, что это максимально дурацкий текст. А я в ответ: «Зачем ты говоришь людям, что он дурацкий?»

– *Он не дурацкий, он просто настолько метапостмодернистский, что аж хорошо!*

– Да, он очень серьезный. Но, конечно, когда я пишу «сказочно повезло», в этом уже есть элемент игры. То же касается и прозы. У нас в конкурсе «Класс!» был с ребятами как-то отличный разговор, когда меня, Нину Дашевскую, Евгения Рудашевского и Катю Соболевскую спросили: почему вы пишете так просто? Где постмодернизм? Почему у вас такой простой текст? Нина говорит: «Я не знаю, я пишу, как пишется. Вижу цель – не вижу препятствий». На самом деле здесь все несколько сложнее. Наша книга может быть простой на первый взгляд: мол, подумаешь, история про подростков, музыкальную школу и родителей этих подростков. Такой сюжет можно найти и в условные 60-е! Но тут вопрос не только в том, что у Нины Дашевской появляются мобильные телефоны в тексте как некий маркер времени. Очевидно, что у персонажей другой бэкграунд. И герои-родители в тексте – читатели Пелевина. И уже даже за счет этого самый простой текст становится другим. Потому что мы подозреваем, что все закручивается, наслаивается одно на другое. И Нина тогда сказала, что да, родители ее героев, конечно, Пелевина читали, а как же!

– *К вопросу о пост- и мета-, об изменившейся реальности, о которой – спойлер! – мы еще будем сегодня говорить. Откуда такая популярность ремейков и ретеллингов в кино, литературе? Сейчас же уже лет, навскидку, десять бум этих направлений.*

– Это отчасти работает в таком формате: все любят «Русалочку», значит, снимем еще одну! Коммерческий элемент исключать нельзя. Хотя и этот сюжет можно несколько иначе пересказать. А вот если рассуждать, зачем меняют нарратора, зачем дают высказаться той же Медузе Горгоне... Наверное, отчасти потому, что люди любят уже знакомые истории и хотят в них вернуться, но найти нечто новое. Как посмотреть ту же свежую экранизацию «Мастера и Маргариты». Это в принципе сложный вопрос: насколько мы готовы потреблять новый продукт культуры? Неважно, музыка это, кино или литература. Опять же, у «Мельницы», например, регулярно среди фанатов стоит плач, что «раньше было лучше». Во многом это тоска не по смыслу и какой-то музыкальной составляющей, а по собственным ощущениям. «Когда-то в свои двадцать лет я сидел и слушал эту песню у костра, а сейчас не сижу».

– *То есть некая тоска по золотому веку – она, хочешь сказать, универсальна и все еще актуальна для нас сейчас?*

– Думаю, да. Но давай смотреть шире: нам просто предлагают разные варианты. Тот Дисней не говорит: «Посмотрите только кино по мультфильму!» Они же предлагают десять вариантов: вот вам один такой, и один еще такой... Опять же – каждый выбирает, что ему нравится. Мы тут смотрели новую «Дюну» с моей дочкой Алисой. И забавно, как она в свои одиннадцать лет реагирует

ла на какие-то сюжетные повороты и визуальные образы: «А это что за Палпатин тут появляется?» Этот ребенок уже вырос на императоре Палпатине из «Звездных войн» и уже посмотрел всего «Гарри Поттера». Вот и получается такая цепочка ассоциаций. Знаешь, один из учеников как-то сказал мне, что знает, кто такой кентавр, потому что видел его в «Гарри Поттере».

– *Мы сейчас узнаем о многом через вторичные источники, получается?*

– Да. И с «Мельницей», к слову, такое тоже случается. Люди порой говорят: «Ага, я тут после прослушивания нашел, что есть картина Васнецова, где герои скачут на волке». А мы в ответ: «Слушайте, хорошо, что вы увидели».

– *Культурно-просветительский месседж несете в массы! Знаешь, достаточно часто говорят, что фэнтези – это эскапизм. Песни «Мельницы» – они отчасти тоже про эскапизм? Для тебя как для соавтора.*

– Наконец мы дошли до моей любимой поговорки: рыба не видит воды. Сложно судить. Надо спросить у слушателей, насколько они благодаря песням куда-то убегают. Я бы сказала, для меня изначально и как для слушателя, и как для автора это, скорее, наоборот, про присваивание и проживание каких-то очень конкретных земных вещей. Но я в целом живу метафорами. И когда спрашивают, например, в каких отношениях находятся герои песни «Дорога сна», мне не нужны юридические документы об их отношениях. Когда люди начинают рассуждать, сокрыты ли за этим реальные персоналии, типа Петра I и Софьи, я обычно говорю: «Подождите!» Для меня это все – глобально, не только у «Мельницы», – метафорично. Когда я читаю стихи про Одиссея, я читаю про себя.

– *Мы с тобой много говорили уже о повторениях в рамках культуры метамодернизма. И я тут вспомнил одно интервью Хелависы, где на вопрос о проблемах современных музыкальных групп она ответила, что многие скатываются «в пластик», то есть в повторение своих кумиров. Где эта грань: повторение как прием и самоповтор, «пластик»? Во всех сферах культуры.*

– Я за то, чтобы каждый пробовал и делал, что ему делается. Даже если получается «пластик», но вам кажется, что это хорошо, значит, сейчас вам хорошо. Через какое-то время вы почувствуете, что было не так, и скажете: «Где были мои уши!», «Как я мог такое писать!» Сядете и сделаете следующее. Мне не нравится, когда ты очень долго думаешь, подбираешь слова, темы, но в итоге не пишешь, потому что решаешь, что все выходит вторично. Я знаю множество историй, когда даже те, кого мы теперь называем классиками, друг друга по этому поводу критиковали. Когда Толстой говорит Чехову: «Ты прости, конечно, но пьеса откровенно плохая». А в итоге – мировой шедевр. Да и с современными писателями то же самое. Катя Манойло создала первые тексты и принесла их в союз умудренных опытом писателей, и кто-то из них сказал: «Не пишите, вам не надо». И она какое-то время очень старалась не писать!

У меня тоже был похожий период, когда я думала: что ж у меня все вот эта скучная любовь, все героини мои плачут, бегут за любовью! Уже неактуально бежать за мужиками. А потом я просто поняла: вообще-то они не бегут. Они в какой-то момент останавливаются и говорят: «Так, бойся меня, правильно. Беги меня». Знаю ли я достаточное количество уважаемых мною людей, которые не считают это интересными текстами? Да. Знаю ли я достаточное количество уважаемых мною людей, которые считают, что «Мельница» – это несерьезное тра-ля-ля? Мол, кто-то на это вообще ходит? Да, знаю. Поэтому я за то, что, если тебе хочется писать про древнеегипетских богов, значит, ты берешь и пишешь про древнеегипетских богов. Если сидеть и долго думать, станет поздно. Мне кажется, когда мы пишем, мы в первую очередь

спасаем себя от чего-то. И если это тебя спасает, то пусть даже и вот эта ваша Хелависа, и все критики скажут: «Ой, какая пластмасса!» А ты сыграешь свое. У меня была история, когда знакомая все никак не могла завести свой телеграм-канал. Не знала, с чего начать. Я говорю: «Слушай, начни уже так, чтобы было плохо. Вот так, чтобы я переслала Хелависе и мы с ней поржали, как это отвратительно». И человека попустило. В итоге начала вести канал. Поэтому пусть цветут все цветы.

– Ты уже говорила сегодня о том, что нам дадут возможность большого выбора, когда мы обсуждали ремейки. Чем больше выбор – тем сложнее человеку. Что это огромное количество выбора всего – от книг до видео в интернете – с нами делает? Не становится ли информационным шумом? Вредит ли?

– Шум – это плохо. Вокруг очень много информации, о которой мы часто не просили. И мы находимся в ситуации, когда не всегда можем дотянуться до нужного нам. Например, есть автор, с которым бы у меня случилось стопроцентное попадание, но я его никогда не прочту, просто потому, что из-за шума не доберусь, пропущу. Из-за этого мы в том числе стараемся систематизировать литературу: вот у нас, например, премиальная проза, а вот тут жанровая литература, а вот тут еще что-то.

Приведу простой пример. С тех пор как я стала работать в «Альпине.Прозе», моя мама, дама 70+, прочитала некоторое количество книг «Прозы». До этого она бы просто не встретила с этими текстами, ведь, очевидно, она не очень-то входит в целевую аудиторию «Альпины.Прозы». Но несмотря на это, некоторые книги ей понравились! Та же Аня Лукиянова с повестью «Это не лечится» – одна из любимых книг мамы, прочитанных за последнее время. Она говорит: «Это же восхитительно, как человек подобрал слова, как она нежно любит наш совершенно угловатый и местами уродливый мир, как описывает его». То есть условный читатель классики и жанрового детектива встретился с этой книгой исключительно потому, что я стала «мостиком» над информационным шумом. Грубо говоря, сейчас задача человека сводится к тому, что ввести в поисковой строке. А что конкретно ввести, мы не знаем. «Какие почитать стихи после Барто и Чуковского», да? И сразу вылетает куча всего. Непонятно, как в этом разобраться.

Когда я много занималась чтением с детьми и подростками, часто проблема «нечитающего подростка» была в том, что ему не предлагали книгу, которая бы ему понравилась. Но кто-то тоже должен ее предложить и откуда-то взять. И оказывается, что подросток просто никогда не встречался с детективом на свой возраст, с юмористической историей, с той же поэзией. Сказку Пушкина он читал, ему не понравилось. А когда ты приносишь ему, например, Алексея Зайцева и читаешь: «Раньше я не ел шмелей, но ш тех пор я штал шмелей», ребенок сразу говорит: ого! Но где это найти? Вот в этом – большая задача. Я вот сама понимаю, что не успеваю читать много хорошей и разнообразной новой поэзии. Слежу за разными подборками, в толстых журналах и в «Юности» в том числе. Так какой остается выбор? Мы либо смиряемся, либо жадно ищем. Но многие устают жадно искать.

– Да, тут соглашусь с тобой, и зачастую в такой разнообразии сложно найти «навигатора», потому что их тоже стало много! Но давай посмотрим на мир еще с одной стороны: ритм жизни ужасно ускорился. Это повлияло на поэзию, прозу, да и на любое творчество?

– Это влияет на все. И это одна из важных тем, на которые я люблю думать, писать. И в моем блоге есть много заметок об этом. В том числе про важность своего рода заземления и понимания, что ты сейчас делаешь. Ведь бешеный ритм меняет меня как человека и всех окружающих. Мы все время на связи,

очень мало кто из нас умеет отключать рабочие чаты. Притом не все мы кардиохирурги, которым это критически необходимо. А еще мы обычно говорим: «Я по выходным не работаю!» А потом тебе кто-то кидает классную идею, и ты уже сам говоришь: «О, классно, давай это сделаем! Я прямо сейчас напишу, чтобы сразу». Это неизбежно, мы все таковы. Для писательства в широком смысле это и плюс, и минус. С одной стороны, ты все время включен в события. С другой – для того чтобы писать, тебе нужно пространство, воздух и тишина. Необходимо побыть наедине с тем, что происходит у тебя в голове, а не потреблять какой-то бесконечный контент. Я очень люблю ходить, когда думаю и пишу. Я знаю, что не одна такая, так делали многие: Маяковский стесал подошвы, пока писал «Облако в штанах». Но я редко выбираю эту тишину, чтобы походить-подумать. Хотя казалось бы – возьми и шагай, найди себе на это время! Но ведь сначала нужно прочитать все вкладочки в разделе «Парфюмерия»... Что там нового выпустили-то сегодня? И вот прошел час, но мне же надо отдохнуть! Пойду теперь читаю, какие появились новые украшения и платья. И вот прошел еще час! А ты за это время мог что-то создать или прогуляться и подышать воздухом и тишиной.

Но давай вернемся к ритму жизни: из-за него изменилась и сама коммуникация. Раньше, лет десять-двадцать назад, любая встреча означала ответственность. Если ты приглашал кого-то в кино, то не мог за минуту отменить встречу, разве что просто взять не прийти или сбежать с сеанса. Сейчас очень долго и аккуратно мы можем бесконечно перекидываться мемасиками, лайкать сторис друг друга, писать в телеграм-каналах: «Какая замечательная книга, я тоже ее читал». Нам кажется, что мы вроде бы дружим с человеком, при этом мы можем нормально не общаться годами, не встречаться вживую, не говорить о важном. Зато мы обязательно в курсе «главных» событий в его жизни. Например, что он съел пирог. Такие отношения без особой эмоциональной связи и вложений. То есть сейчас мы можем не брать ответственность за свои решения очень долго.

– Этот формат общения через какое-то время откатится назад? Мы от него устанем?

– Не знаю. Мне кажется, что в чем-то мы должны устать, ведь мы глобально начинаем стараться выстраивать work-life balance. Наверное, надо смотреть на поколение сегодняшних пятнадцатилетних – они первые, кто растут уже в интернете, то есть они там все время. Если у меня, например, есть в чате непрочитанное сообщение, я думаю: как же, люди же ждут. А у моей дочери такого ощущения нет. У нее в школьном чате может быть куча всего непрочитанного, и она говорит: «Накидали мемов дурацких». Я же в ответ: «А вдруг там что-то важное?» Вот и разница мышления.

– Мы с тобой уже говорили сегодня о мифах именно в мире художественного текста. Сейчас я вспоминаю Катю Манойло и ее рубрику в Forbes «Книги и цацки». У тебя очень много украшений, связанных с мифами, сказками, и просто наделенных смыслом. Почему? Это такое желание... овесть миф? Примерить на себя?

– Тут все дело в типаже человека. Мы понимаем, что нам с тобой, допустим, это хочется, точно так же, как нам хочется выражать себя через одежду и нести в ней информацию. А другому типу людей такое будет совершенно ненужно и неудобно. Эти украшения ведь и не все замечают. И уж тем более не разглядывают какие-то ассоциации, мол, смотрите, это же крылья как будто стрекоз! А вот гранат – вы же понимаете, сколько символики в гранате?! Далеко не каждый выстраивает ассоциативный ряд, как Шерлок Холмс. Хотя в гранате зашифрованы и изобилие, и Персефона, и царство

мертвых, и Аид, и восточные сказки, и прочее, прочее... Я-то собой в этих сережках с гранатовыми зернами на цепочках ужасно довольна именно потому, что я «с собой» и поговорила. А кто-то просто скажет: красненькое стекло к красному свитеру. И это тоже правда.

Думаю, это история про проявление себя и понимание, кто ты есть. Это некий кусочек тебя. И я бы сказала, что существует у таких вещей и некая коммуникативная функция. Я рассказывала Кате Манойло, например, что под Рождество близкий человек подарил мне звезду из настоящего метеорита. И тут просто все сошлось: Рождество, звезда, волхвы, настоящая звезда с неба и некая личная история. Получилась красивая картинка в моей голове, да еще и само украшение приятное. Так вообще супер! Нам нравится во всем видеть дополнительные смыслы. Мы с этим играем и получаем удовольствие.

– Ты недавно в телеграм-канале писала о новинке «Альпины.Прозы» «Забывтая Тэффи» и говорила, что очень любишь Надежду Тэффи как автора. Сразу два вопроса. Во-первых, откуда такая любовь? А во-вторых, что пришло сейчас на смену фельетонам в современном мире? Вот вместо анекдотов, я уверена, у нас теперь мемы!

– Мне кажется, новый формат – это что-то наподобие лафйстайл-блогов. Хотя все, наверное, просто разделились на кусочки. Это стык чего-то новостного и не новостного – того, где важен взгляд рассказчика. Возможно, YouTube-заметки, ролики. Но интересно! Надо будет над этим подумать потом.

Если вернуться к Тэффи... Во-первых, мне в принципе нравятся короткие тексты. Большое искусство – делать их красиво. Более того, я люблю короткие острые юмористические тексты. И, например, не считаю, что Чехов смешной: у него куда больше трагичного, веселость, на мой взгляд, у нас повалывается по инерции. Раз Чехов, то должно быть смешно! И «Вишневый сад» у нас вроде комедия. Ага, прямо обхохотаться! Мне очень нравится точность Тэффи: она ловила настроение, эмоции, характеры. Знаешь, шли годы, а «Демоническая женщина» – мой любимый рассказ. И этот самый образ демонической женщины, которая не может просто попросить селедки, а говорит: «Дайте селедки, дайте, я буду кутить, я хочу пошлости!», по-прежнему с нами. Есть несколько рассказов, которые я читала и думала: лучше и не скажешь. Картинка уже поменялась, у нас совершенно другие реалии, а все то же самое! Даже условного Аверченко читать сложнее, он куда больше завязан на своем времени.

У меня есть любимый рассказ Тэффи – «Дон Жуан». Это история о мальчишке, который однажды решил, что теперь будет губить женщин, как Дон Жуан. Что для этого нужно? Не ходить на каток с девочкой, которая тебе нравится, быть сложным, закрытым и, конечно, не лопать ветчину на праздник. Все это еще написано великолепным языком, и ты читаешь, как тот бедный голодающий малыш, который весь день молчит, не идет на каток, не ест ветчину, под конец дня начинает рыдать: «Я не должен лопать ветчину, я должен губить женщин!» Тоже ведь история абсолютно вне времени. Я часто вижу, как и взрослые выбирают такой принцип: вместо того чтобы сказать «Я это не читал, да», включают тот самый режим Дон Жуана и не едят ветчину!

– В одном интервью о своем романе «Сияй» ты говорила, что тебе важно было показать полутону и эмоции, «не только цунами, но и полушепот». Современная проза и, шире, вся культура – это сплошное цунами?

– Думаю, у нас довольно много полушепота. В литературе тем более. Знаешь, многие ругают «прозу тридцатилетних» за то, что они слишком много говорят о личном, внутреннем. «Сияй» критиковали потому, что

«у героини все хорошо, а она еще выпендривается!». На самом деле у хороших детей тоже бывают проблемы. Ты можешь быть в конфликте с собой или с миром, даже если у тебя все в целом в порядке. Я думаю, многие из современных авторов все-таки работают не только с цунами. Просто конкретно литературе для подростков часто свойственно ставить героев в довольно сложные ситуации. И все сгустилось, все тучи сразу нависли над этим бедным ребеночком. Классно, что такие книги есть, но я периодически сталкивалась с читательским запросом, когда дети и подростки говорят: «Мы хотим что-то поближе к нам».

Сейчас пришел в голову роман «Течения» Даши Благовой. Ведь у героини в целом все в порядке. Она неплохо учится, у нее хорошая семья, она с кем-то дружит, она очень симпатичная и вечно нравится юношам. Но тем не менее в центре истории драматичные отношения с подругой. Сейчас я, кстати, сдала редактуру продолжения «Сияй», и там у героя все в целом тоже хорошо. И вдруг оказывается, что даже когда ты не делаешь ничего плохого, ты можешь причинить кому-то боль. Как минимум своим друзьям, если ты не всегда честен с собой и с ними. И так можно зайти в очень темные леса.

– Тебя как-то спрашивали, состояла ли ты в фан-клубах. Это было давно, поэтому теперь имею полное право спросить: Оля, как бы ты описала фэндом Ольги Лишиной?

– Мне кажется, моя аудитория не выполняет какие-то важные критерии фэндома. Они же должны вместе функционировать, а не только в комментариях писать...

– Ну погоди, не каждый фэндом – это про косплеи и масштабы! Есть фэндомы очень тихие.

– О, знаю, кто «мой фэндом». Тут мы подойдем под финал к моему любимому тегу «право на круассан». Я прекрасно понимаю, что, с одной стороны, живу довольно простую жизнь. С другой же – довольно многое себе разрешаю. Я транслирую свою жизнь, и многих истории и фото вдохновляют даже больше, чем тексты или стихотворения. Ведь когда ты говоришь, что многие ограничения мы себе выставили сами, что никто не запрещает нам принести на работу красивую чашку и пить из нее, люди задумываются и приходят к выводу: «классно, пойду тоже куплю себе чашку». Я еще часто обращаю внимание аудитории на мелочи и счастье в моменте, на заботу о себе и признание, где тебе хорошо, а где сложно. В том числе пишу про невидимый женский труд: «Да, вы не успеваете писать роман, потому что у вас маленький ребенок. С маленьким ребенком писать тяжело, это нормально».

Я бы сказала, что моя аудитория, конечно, – это чуткие внимательные интроверты. У меня максимально большая конверсия во всякие разудалые лайки, но очень редко кто-то комментирует. Обычно это самые храбрые ребята, которые уже знают – я их не съем. С другой стороны, я понимаю, что сама очень отстаиваю границы. С начала говорю, что я «добрый полицейский», а потом кто-то приходит и без спроса начинает на со мной ты... Или бывает, когда люди пишут: «Ой, Ольга, а расскажите, как Хелависа ваши тексты переделывала!» Я в ответ: «Что, простите? Переделывала?»

В итоге остается тот тип людей, который мне пишет: «А я вот вас почитала, пошла, купила себе розу и поставила в вазу. Сама себе!» А я в ответ: «Классно! И вы сами себя спасли». Короче говоря, не ждем принцев, угощаем себя десертами и прогулками, читаем любые книги и разрешаем себе счастье!